

В. Зомбарт

ЕВРЕИ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ*

<...> На еврейский вопрос я наткнулся совершенно случайно, когда задумал заново переработать мой «Современный капитализм». В этом труде мне нужно было, между прочим, проследить несколько глубже цепь идей, приведших к народжению «капиталистического духа». Исследования *Макса Вебера* о связи между пуританизмом и капитализмом естественно вынудили меня подробнее выяснить вопрос о влиянии религии на хозяйственную жизнь, чем я это делал раньше, — и тут-то я впервые подошел к еврейскому вопросу. Дело в том, что внимательное рассмотрение веберовских доводов обнаружило, что все те элементы пуританской догмы, которые, как мне казалось, имели в действительности влияние на образование капиталистического духа, были позаимствованиями из круга идей еврейской религии. <...>

Удивительно странная вещь: о еврейском народе писалось так много, а между тем о самом главном — его отношении к хозяйственной жизни — не было сказано ничего существенно важного. Так называемые «Истории еврейского хозяйственного быта» или «Экономические истории евреев», по большей части, совершенно не заслуживают этого названия, потому что все они ни что иное, как истории права или даже правовые хроники, которые к тому же совсем не затрагивают событий

* Текст печатается по изданию: Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь: Часть первая (экономическая) / Авторизованный перевод под ред. Г. Гроссмана; Предисл. к русскому переводу проф. И.Х. Озерова. СПб.: Книгоиздательство «Разум», 1912.

нового времени. Поэтому мне пришлось выбрать фактический материал из нескольких сот монографий (некоторые из них превосходные) или из первоисточников для того, чтобы дать впервые — я не скажу историю — а эскиз хозяйственной деятельности евреев за три последних века.

Если многие из авторов монографий... и пытались обрисовать, по крайней мере, внешнюю сторону хозяйственной деятельности еврейского населения и судьбы их в течение последних столетий, то почти никто еще до сих пор не пробовал задаться общим вопросом о том, чем объясняется столь своеобразная судьба евреев, или, выражаясь точнее, благодаря каким особенностям они смогли сыграть ту выдающуюся роль в создании современной хозяйственной жизни, которая в действительности выпала на их долю. Все, что обыкновенно приводилось для разъяснения этой проблемы, все это — не больше, как устарелые, требующие значительных поправок схемы, вроде: «стесненное внешними обстоятельствами положение», «способность к торговле и шахермахерству», «покладистая совесть», и такие общие фразы должны были служить ответом на один из самых сложных вопросов всемирной истории.

Одно лишь хотел бы я подчеркнуть теперь же, чтобы читатель запомнил это, как основной тезис всей моей работы, а именно, что огромное, значительно перевешивающее роль всех других факторов взятых вместе воздействие евреев на современную хозяйственную (и вообще культурную) жизнь объясняется, на мой взгляд, крайне своеобразным переплетением условий внешнего и внутреннего характера, что, по-моему, оно должно быть приписано одному (исторически случайному) факту, а именно, что народ крайне своеобразного уклада, — народ кочевников и обитателей пустынь, народ с горячей кровью — был перенесен в среду совершенно чуждых народностей, — с холодной кровью, медлительных, оседлых, — и был вынужден жить и трудиться среди тоже всецело исключительных внешних условий. Останься евреи жить на Востоке или попади они в какую-нибудь другую жаркую страну, их своеобразная природа дала бы, конечно, тоже своеобразные последствия, но влияние их не имело бы того динамического характера. Они сыграли бы, быть может, такую роль, какую играют теперь армяне на Кавказе, кабилы в Алжире, китайцы, афганцы или персы в Индии; но без них мы никогда бы не достигли кульминационного пункта человеческой культуры: современного капитализма.

<...> Без рассеяния евреев по северным странам земного шара не было бы современного капитализма, не было бы и современной культуры.

Мы только теперь начинаем ясно сознать, что современный капитализм в значительной части обязан своим расцветом приобретению колоний..., и в этом колониальном движении выдающуюся, чтобы не сказать решающую, роль сыграли евреи. <...>

В Ост-Индии много евреев жило, по-видимому, уже со средних веков. Когда европейские нации начали (с 1498 г.) стремиться к захвату старых культурных стран, эти евреи, прекрасно годившиеся в пионеры торговли, оказались подходящей и желанной опорой европейского гос-

подства. По всей вероятности, на португальских и голландских кораблях прибыло в индийские владения очень много евреев (точных данных об этом все еще нет). Во всяком случае, мы встречаем евреев во всех *голландских* колониях также и на Востоке, где они принимают деятельное участие в основании этих колоний. <...>

Но главным поприщем еврейской деятельности в колониальных странах, особенно в эпоху раннего капитализма, служит совершенно преобразовавшийся под влиянием европейской культуры и цивилизации западный материк. *Америка во всех своих частях является страной евреев* — таков неизбежный результат, к которому приводит подробное и серьезное изучение источников. А так как Америка со дня своего открытия приобретает исключительное влияние на экономическую жизнь и всю совокупность культурных явлений Европы, то интенсивное участие евреев в создании и развитии американского мира естественно приобретает особое значение для хода нашей истории. <...>

Евреи связаны с открытием Америки самым тесным и странным образом. Получается такое впечатление, как будто Новый Свет был открыт для них одних и только с их помощью; как будто Колумбы являются только поверенными по торговым делам Израиля. Гордые евреи сами рассматривают историческое положение вещей с этой точки зрения, ссылаясь на новейшие архивные исследования*. Согласно последним, — я хочу коснуться этого лишь мимоходом, — только еврейская наука подняла технику мореплавания на такую высоту, что заокеанские путешествия вообще сделались возможными; в 1443 г. Авраам Цакута, Профессор математики и астрономии при Саламанкском университете, составил свои астрономические таблицы (*Almanach perpetuum*); в 1484 г. Хозе Вединго, астроном и лейб-медик португальского короля Иоганна II, и математик Мозес изобретают на основании таблиц Цакута, совместно с двумя христианскими коллегами, астробию. Хозе переводит альманах своего учителя Цакута на латинский и испанский языки.

Далее утверждают, что материальный фонд экспедиций Колумба был будто бы создан опять-таки евреями; еврейский капитал сделал возможным оба первых путешествия Колумба. Свое первое путешествие он предпринимает с помощью займа, сделанного им у королевского советника Луи де Сантанжелю. Последнему, который собственно был главным покровителем колумбовых экспедиций, адресованы первые два письма Колумба: Сантанжелю и марану Санчецу, казначею Арагонии. Вторая экспедиция Колумба опять снаряжается на еврейские деньги, на это раз, правда, данными не добровольно, а именно на деньги, оставленные изгнанными евреями и конфискованные в 1493 г. Фердинандом Арагонским в пользу государственной казны.

На корабле Колумба было несколько евреев, и первый европеец, вступивший на американскую почву, был еврей Луис де Торрес. <...>

*Вопросу об участии евреев в самом открытии Америки посвящена специальная литература (по поводу 400-летнего юбилея Колумба). Самым лучшим исследованием, всецело основанным на вполне достоверных первоисточниках, является М. Kayserling. *Christoph Columbus*. 1894.

Лишь только ворота Нового Света открылись для европейцев, как туда толпами устремились евреи. Мы уже видели, что открытие Америки хронологически совпадает с годом изгнания евреев из Испании; мы видели, что в последние годы XV и в первые десятилетия XVI века массы евреев были принуждены эмигрировать. Это была эпоха, когда еврейство Европы зашевелилось, как муравейник, в который воткнули палку. Нет ничего удивительного в том, что большая часть этого муравейника направилась в подававшие большие надежды области Нового Света. Первыми купцами в Америке были евреи. Первые промышленные учреждения в американских колониях обязаны своим происхождением евреям. Уже в 1492 г. португальские евреи поселяются на острове Св. Фомы и начинают здесь вести в крупных размерах плантаторское хозяйство; они основывают многочисленные сахароварни, и у них работают 3000 негров-рабов. Приток евреев в Южную Америку непосредственно после ее открытия был так велик, что королева Иоганна в 1511 г. сочла необходимым прибегнуть к ограничительным мероприятиям. Но соответствующее распоряжение, по-видимому, не имело последствий, потому что число евреев в Америке все росло. Законом 21 мая 1577 г. воспрещение эмигрировать в испанские колонии было формально отменено.

Чтобы иметь возможность правильно оценить ту энергию, которую евреи проявили в роли основателей колониальной торговли и колониальной промышленности в пределах Южной Америки, следует проследить судьбу некоторых колоний в отдельности.

История евреев в американских колониях, а следовательно, и история самих колоний, распадается на два крупных периода, отделенных друг от друга фактом изгнания евреев из Бразилии (1654 г.).

Выше было уже упомянуто, что евреи в 1492 г. основали на острове Св. Фомы, вскоре после его открытия, сахарную промышленность. В 1550 г. мы застаем на этом острове сахарную промышленность уже в полном расцвете: 60 плантаций, снабженных сахарными мельницами и котлами, производят ежегодно — судя по вносимой в пользу короля «десятине» — 150000 арробов сахара (по 25 фунтов в каждом). Отсюда же, или из Мадеры, где они также издавна занимались сахарным производством, евреи переносят эту отрасль промышленности в самую крупную из американских колоний — в *Бразилию*, вступающую тем самым в первый период своего расцвета, основанного на господстве сахарной промышленности.

Человеческий материал для новой колонии рекрутировался на первых порах почти исключительно из евреев и преступников, привозившихся два раза в год на кораблях из Португалии. Евреи становятся вскоре господствующей кастой: значительная часть самых богатых бразильских купцов состояла из «новых христиан». Евреем был также генерал-губернатор, приведший в порядок администрацию колоний. <...> Но своего полного расцвета колония достигает лишь с переходом в руки голландцев (в 1624 г.), когда туда начинают стекаться богатые голландские евреи. В 1624 г. многочисленные американские евреи объединяются и основывают в Бразилии колонию, в которую переселяется 600 именитых евреев из Голландии. В этой первой половине XVII века

все крупные сахарные плантации находятся в руках евреев, о всесторонней деятельности и богатстве которых сообщают нам путешественники той эпохи. Так, Нингофф, объезжавший в 1640 – 1649 гг. Бразилию, рассказывает следующее: «Из свободных обитателей Бразилии, не находившихся на службе (голландско-вест-индской) компании, самыми многочисленными были евреи, переселившиеся сюда из Голландии. Торговля их превосходила своими размерами торговлю остального населения; они имели сахарные мельницы и строили богатые дома в Ресифе. Все они были купцами». <...>

Но могущество евреев в Центральной и Южной Америке стало особенно велико с конца XVII столетия, когда установилась тесная связь между английскими колониями Северной Америки и Вест-Индии; связь, которой, как мы увидим ниже, европейская Северная Америка обязана своим существованием и которая, главным образом, создана была еврейскими купцами. Мы переходим, таким образом, к рассмотрению той роли, которую сыграли евреи в развитии северо-американского народного хозяйства или — что то же самое — к генезису *Соединенных Штатов Америки*. Соединенные Штаты Америки получили свою экономическую формацию, главным образом, под влиянием еврейских элементов. Это утверждение нуждается в подробном разъяснении, так как оно, по-видимому, противоречит обычному, по крайней мере, в Европе, представлению об этом предмете.

На первый взгляд кажется, будто именно северо-американская экономическая жизнь в существенных своих чертах развилась без воздействия евреев. Когда мне приходилось в частной беседе утверждать, что современный капитализм есть в сущности не что иное, как эманация еврейского духа, мне возражали ссылкой именно на развитие Соединенных Штатов. Сами янки часто гордо указывают на то, что они обошлись без евреев. Какой-то американский писатель, если не ошибаюсь, Марк Твен, однажды старался подробно пояснить, *почему евреи* у них не сыграли никакой роли: потому, будто, что они, янки, такие же «продувные» («smart»), как евреи, если не больше. (Между прочим, и шотландцы говорят о себе то же самое.) И, действительно, среди крупных промышленников и спекулянтов Соединенных Штатов, среди «магнатов трестов» мы встречаем мало еврейских имен. Со всем этим можно согласиться. И все-таки я остаюсь при своем утверждении, что Соединенные Штаты, даже, может быть, больше других стран, исполнены специфического еврейского духа. Это, впрочем, очень хорошо известно в некоторых американских кругах и как раз в кругу людей, способных судить об этом. Когда несколько лет тому назад с большой помпой была отпразднована двухсотпятидесятилетняя годовщина поселения евреев в Соединенных Штатах, президент Рузвельт обратился к распорядительному комитету празднества с письмом, в котором излагал свои поздравления в особенно лестной для евреев форме. Он писал, что в первый раз за свое президентство он шлет приветственное послание по поводу празднества; но он должен был сделать это исключение, ибо повод слишком важен. Преследования, которым евреи как раз в ту пору подвергались, делают для него особенно

настоятельной обязанность подчеркнуть, какие выдающиеся гражданские доблести обнаружили сыны еврейского народа с того времени, как они поселились в стране. Описывая далее заслуги евреев по отношению к Соединенным Штатам, он прибегает к выражению, очень удачно характеризующему сущность дела: евреи помогли создать страну. А экс-президент Гровер Кливленд выразился по тому же поводу: «Немногие — или даже вообще ни одна — из составляющих американский народ национальностей не оказали большего, прямого или косвенного, влияния на развитие современного американизма, чем еврейская нация».

Но в чем же заключается крупное значение евреев специально для Соединенных Штатов? Прежде всего, в том, что их количественное участие в коммерческой жизни Америки никогда не было таким ничтожным, как это может показаться на первый взгляд. Если среди полудесятка известных миллиардеров, имена которых, благодаря подымаемому ими — и в особенности их женами — шуму, прогремели на весь свет, нет ни одного еврея, то это еще нисколько не доказывает, что еврейский элемент слабо представлен в американском капитализме. <...>

...Евреи в Америке почти монополизировали целый ряд весьма важных отраслей торговли (или, по меньшей мере, монополизировали их в течение долгого времени). Я имею здесь в виду преимущественно торговлю зерновым хлебом, особенно на Западе, торговлю табаком и хлопком. С первого же взгляда ясно, что перечисленные предметы торговли составляют три главных жизненных нерва народного хозяйства Америки, и что те лица, во власти которых находились этих три могущественных отрасли хозяйства, уже тем самым должны были принимать выдающееся участие в совокупности экономических процессов. Но, как я уже сказал, я не настаиваю особенно на этом обстоятельстве. Ибо я хотел бы пояснить значение евреев для народного хозяйства Соединенных Штатов более глубокими факторами.

Евреи проходят какой-то особенной, можно сказать, золотой нитью через всю ткань народного хозяйства Америки от его начала до конца, так что хозяйственная жизнь Америки с первого же момента принимает особый отпечаток... Ибо то, что мы называем американизмом, есть в главных своих чертах не что иное, как кристаллизовавшийся еврейский дух.

Но откуда же взялась эта резкая окраска американской культуры специфически еврейским духом?

Насколько я могу судить, явление это должно быть объяснено тем фактом, что уже в ранние времена и повсюду население колоний было перемешано еврейскими элементами. Колонизация Северной Америки в большинстве случаев совершалась, как мне кажется, следующим образом. Группа выносливых мужчин и женщин — скажем, семейств 20 — отправлялась в незаселенную пустошь, чтобы начать здесь свою новую жизнь. Среди этих двадцати семейств девятнадцать были снабжены плугом и серпом; они шли с намерением распахать леса, выжечь степи и трудами рук своих зарабатывать себе пропитание. Двадцатая же семья открывала лавку и посредством торговли — может быть, даже кочевой торговли — снабжала своих сотоварищей необходимыми предметами

потребления, которых земля не производила. Эта двадцатая семья вскоре берет на себя и сбыт земледельческих продуктов, добываемых девятнадцатью другими семьями. Она раньше других располагает наличными деньгами и поэтому, в случае нужды, может оказать услугу ссудой. Очень часто к «лавке», которой она держала открытой, примыкало нечто вроде земельного кредитного банка, а часто, вероятно, и агентство по продаже земли и тому подобные предприятия. Таким образом, благодаря деятельности этой двадцатой семьи, крестьянин Северной Америки с самого начала приходит в соприкосновение с денежным и кредитным хозяйством Старого Света. Все производственные отношения с самого начала складываются на современных основах. Дух города сейчас же победоносно проникал в самые отдаленные деревни. Можно сказать, что с первого дня колонизации народное хозяйство Америки начинает проникаться капиталистическим духом и элементами капиталистической организации. Ибо эти первые клеточки вскоре разрастаются во всеобъемлющие организации. Но кто придал этому Новому Свету капиталистический отпечаток, кто именно, если считать здесь решающим фактором чисто личный элемент, а не историческую конъюнктуру? Двадцатая семья в каждой деревне!

Нечего прибавлять, что этой двадцатой семьей каждый раз была еврейская семья, которая присоединялась к группе переселенцев или приходила к ним, как только они основывали колонию. <...>

Развитие современного колониального хозяйства и происхождение современного государства суть два явления, взаимно друг друга обуславливающие. Оба они немыслимы друг без друга, и генезис современного капитализма в равной степени зависит от них обоих. Таким образом, если мы хотим оценить значение какого-нибудь исторического фактора для развития капитализма, то мы должны исследовать, оказал ли этот фактор какое-либо влияние на указанные только что явления. Поэтому я и хочу здесь выяснить, в какой мере евреи участвовали в образовании современного государства.

На первый взгляд может показаться, что евреи, как народ по своей внутренней сущности не государственный, едва ли могли принимать участие в образовании современного государства. Ибо ни один из величайших государственных деятелей, занимавших первое место в деле образования современного государства, не был евреем: таковы Карл V, Ришелье, Мазарини, Кольбер, Кромвель, Фридрих I или Фридрих II прусские.

Правда, вывод существенно меняется, если принять в соображение, что основы современного государства определились уже в последние столетия средневековья в Италии и, особенно, в Испании, и что здесь можно найти в большом количестве еврейских государственных деятелей, играющих руководящую роль. Можно пожалеть, что история современного государства (насколько мне известно) еще ни разу не рассматривалась с этой точки зрения: я думаю, что такое исследование бросило бы свет на много новых сторон этого вопроса. <...>

Говоря об участии евреев в основании современного государства, я имею в виду не столько их непосредственную деятельность как органи-

заторов государства, сколько их косвенное содействие в великом процессе образования государства за последние столетия. Я имею в виду то обстоятельство, что они снабжали развивающееся государство главным образом материальными средствами, с помощью которых оно могло держаться и развиваться дальше; что они двояким образом поддерживали самый фундамент, на котором покоится все современное государство, а именно армию. Эта двоякая поддержка выражалась, во-первых, в доставке оружия, фуража и провианта в военное время; во-вторых, в снабжении необходимыми денежными суммами, которые шли, конечно, не только для военных надобностей, но и для покрытия других нужд двора и государства. Другими словами, я считаю евреев, в особенности в течение XVI, XVII и XVIII веков, самыми влиятельными поставщиками армий и самыми крупными кредиторами князей и за этим фактом признаю громадное значение в развитии современного государства. <...>

В *Германии и Австрии*... несмотря на официальное воспрещение жительства евреев в стране — все же оставался в силе остроумный институт «придворных евреев», и несколько таких привилегированных евреев всегда находились в распоряжении монархов.

...Эти придворные евреи были «изобретением» немецких императоров во время Тридцатилетней войны. Венский двор придумал еще другое средство, чтобы использовать финансовые ресурсы евреев для надобностей войны. Он производил еврейских капиталистов в «придворных евреев» и предоставлял им самую широкую свободу торговли, освобождая их от ограничений, которым были подвержены другие евреи. Как бы то ни было, несомненен тот факт, что в течение XVII и XVIII столетий нельзя назвать почти ни одного немецкого государства, которое не имело бы в своем распоряжении одного или нескольких «придворных евреев», от поддержки которых существенным образом зависели финансы страны. <...>

Наконец, следует еще указать на то, что евреи сыграли крупную роль как финансовые деятели в Соединенных Штатах в течение XVIII века, особенно в период освободительных войн. Наряду с Хаимом Соломоном, с Минисом и Когеном в Георгии и другими, помогавшими правительству деньгами, прежде всего, необходимо назвать Роберта Морриса, который является в своем роде единственным финансовым деятелем американской революции.

Но вот происходит нечто совершенно из ряда выходящее. Тогда как в течение столетий и особенно в XVII и XVIII веках, которые имели такое решающее значение для развития современного государства, евреи лично оказывают услуги правительству, мы видим, как в это самое время, особенно же в течение последнего столетия, медленно преобразовывается форма публичного кредита. Этот процесс все больше вытесняет крупного кредитора из его господствующего положения и ставит на его место все более растущее число мелких кредиторов. Благодаря развитию современной системы займов, публичный кредит, можно сказать, «демократизируется»: «придворный еврей» вытесняется. Развитию этой системы займов опять-таки помогают евреи; они сами, следовательно, делают

излишним существование кредитора-монополиста и тем самым еще больше содействуют образованию крупных государств.

Но развитие системы публичного кредита составляет только часть в общем преобразовании, которому подверглось наше народное хозяйство и в котором, по моему мнению, евреи, в общем, принимали выдающееся участие. Поэтому чрезвычайно важно проследить этот процесс преобразования в целом. <...>

Под коммерциализацией хозяйственной жизни (определяю пока не совсем точно это понятие) я понимаю превращение всех хозяйственных процессов в государственные сделки или же отношение или подчинение этих процессов торговым сделкам и тем самым, как обыкновенно неясно выражаются, — «бирже» как центральному органу высоко развитой капиталистической торговли. Я имею в виду общеизвестный процесс, приближающийся теперь к совершенству и означающий осуществление капитализма; процесс — если можно так выразиться — «обиржевления» народного хозяйства. Но дело не в названии, а в понимании сущности явления. При ближайшем рассмотрении это явление распадается на три составные части, которые можно различать как исторически, так и систематически*.

Прежде всего, совершается тот процесс, который можно назвать овеществлением кредита и его объективизацией (воплощением) в «ценных бумагах». К этому присоединяется процесс, известный под названием мобилизации кредита и его носителей. Оба эти процесса дополняются развитием самостоятельных предприятий для создания кредитных ценностей (ценных бумаг) с целью барыша.

Дальнейшее изложение имеет целью доказать, что во всех этих процессах евреи принимают творческое участие; мало того, проявляющаяся в этом развитии особенность современной экономической жизни обязана своим происхождением, главным образом, еврейскому влиянию. <...>

Это впечатление значительно усилится, если принять во внимание, что тот институт, который собственно вызвал или, по крайней мере, сделал возможным и существенно ускорил процесс овеществления, по всей вероятности, еврейского происхождения. Я имею в виду *юридическую форму* бумаги на предъявителя. <...>

Причины, убедительно доказывающие происхождение современных бумаг на предъявителя из еврейского права (или еврейской практики) суть следующие.

Высокая степень *заинтересованности*, а в некоторых отношениях и *исключительная заинтересованность* евреев в юридической форме бумаги на предъявителя.

Ведь что заставляло «еврейских купцов из Александрии» включать в свои полисы формулу квалификации владельца? Stracca сообщает нам об

* В настоящем труде я ограничиваюсь предварительным кратким изложением эволюционных тенденций высоко развитого капиталистического народного хозяйства (поскольку это является необходимым для разрешения специально поставленной здесь проблемы). Я надеюсь, все, здесь только слегка затронутые, пункты подвергнуть более подробному исследованию в новом издании моей книги «Современный капитализм».

этом: то обстоятельство, что они боялись за корабельные грузы. Дело в том, что последние находились в постоянной опасности быть перехваченными христианскими пиратами, судохозяином и префектом католической королевской крепости, которые смотрели на товары евреев и турок, как на вольную добычу. «Еврейские купцы из Александрии» вставляли поэтому в свои полисы любое выдуманное христианское имя, например, Павел или Сципион, и все-таки получали свои товары, благодаря формуле квалификации владельца.

А как часто в течение всего средневековья и еще и в новое время у евреев играл роль мотив необходимости какими-нибудь мероприятиями скрыть тот факт, что они, собственно, получатели товара, долга и т.п.! Тут-то бумага на предъявителя представляла удобное средство для сохранения тайны. Бумаги на предъявителя давали возможность скрывать имущество до тех пор, пока не проносилась мимо волна преследования евреев. Бумаги на предъявителя давали им возможность помещать свои деньги где угодно и в момент опасности вынимать их через какое-нибудь подставное лицо или переводить требование на третье лицо, не оставляя ни малейшего следа прежнего владения. (Этим, между прочим, до известной степени, объясняется и тот почти непостижимый факт, что евреи, несмотря на постоянную конфискацию «всего их имущества» в течение средних веков, в короткое время снова становились богачами; дело именно в том, что у них никогда и не отбирали *всего* их имущества, ибо значительная его часть значилась всегда за фиктивным владельцем.) По-моему, вполне справедливо указывалось на то, что эти цели укрывательства и собственно только они, действительно, нуждались в *чистой* форме бумаг на предъявителя, тогда как все остальные цели, с которыми в средние века связывали формулу квалификации владельца (главным образом, облегчение заместительства перед судом), с тем же, если не с большим успехом, могли быть достигнуты альтернативной формулой квалификации владельца.

Развитие бумаги на предъявителя (или, вернее, ее распространение, ибо она уже издавна существовала в кругу самих евреев) приобретает для евреев существенный интерес с того момента, когда они (как мы это еще точнее проследим ниже) начали развивать нечто вроде биржевых спекуляций товарами и ценными бумагами. <...>

Далее спекулятивная торговля ценными бумагами, естественно, должна была также чрезвычайно благоприятствовать введению бумаги на предъявителя. Особенно с тех пор, как евреи начали заниматься профессиональным выпуском ценных бумаг, они должны были направить все свои помыслы на распространение бумаги на предъявителя. Совершенно ясно, что помещение небольших кредитных сумм среди большого числа лиц, — в особенности, когда дело шло об общественных облигациях, — было совершенно невозможно без облегчений и упрощений, доставляемых бумагой на предъявителя. Поэтому вполне справедливо приводят в причинную связь эти два явления: развитие профессиональной эмиссионной деятельности, с одной стороны, и развитие бумаг на предъявителя — с другой. <...>

...Идею бумаги на предъявителя можно без натяжки вывести из внутренней сущности, из «духа еврейского права»; что юридическая форма бумаги на предъявителя так же соответствует еврейскому праву, как она по своей внутренней природе должна быть чужда римскому и германскому праву, потому что она устанавливает безличное долговое отношение. <...>

Из собранного мною материала я мог бы привести еще целый ряд других доказательств в пользу того, что евреи в течение XVIII и в начале XIX века участвовали в капиталистическом производстве... Нужно отметить, что роль промышленников евреи начинают играть лишь с того момента, когда процесс коммерциализации всецело охватывает товарное производство и товарный транспорт, следовательно, с того времени, как капитализм в своем чистом виде овладел и этими сферами, т.е. когда отличительными признаками стала, так сказать, техническая бесцветность предпринимателя. Все более вырисовывающаяся особенность нашей промышленности в том и состоит, что ее руководители могут в каждую данную минуту менять поле деятельности без ущерба для их талантов и способностей. Это происходит именно потому, что все осадки технических особенностей отпали, и осталось только чистое золото коммерчески-капиталистической универсальности. Только с этого времени можно часто наблюдать, как какой-нибудь «предприниматель» начинает свою деятельность с кожи и кончает железом, после того как он предварительно прошел уже, скажем, через спирт и серную кислоту. Предприниматель старого стиля еще носил на себе отпечаток своей специальной отрасли деятельности, новый тип предпринимателя, напротив, совершенно бесцветен. Нельзя себе представить, чтобы Альфред Крупп, Борзиг, Вернер фон Сименс производили что-нибудь иное, чем литую сталь, машины и электрические продукты; или чтобы Г.Г. Мейер заведовал не «Северо-Германским Ллойдом». Но если бы Ратенау, Дейч, Арнольд, Фридендер, Баллин завтра обменялись бы своими должностями, их продуктивность едва ли от этого много пострадала. Благодаря тому, что все они коммерсанты, случайное поприще деятельности для них безразлично.

Эту мысль можно формулировать также следующим образом: христианин начинает свою карьеру с техника, еврей — с коммивояжера или приказчика.

Было бы очень хорошо точно установить размеры участия евреев в промышленности. Но для этого у нас нет необходимых источников. Приходится довольствоваться приблизительными выкладками, например, вычислить количество евреев — директоров и членов наблюдательных советов и их %-ое отношение к общему числу тех же лиц. Очевидно, конечно, что такие вычисления не блещут совершенством. Не говоря уже о том, что иногда бывает трудно установить, еврей ли данное лицо или нет, голая цифра никогда не может служить основанием для выводов о *влиянии*. Кроме того, надо иметь в виду, что именно должности членов наблюдательных советов замещаются в зависимости от всякого рода соображений, — не только чисто деловых, — и что в очень многих учреждениях существует тенденция не сажать евреев на места руководителей

дела. Таким образом, цифры представляют собой лишь минимум еврейского влияния. <...>

Уже то, что было сказано насчет участия евреев в овеществлении современной хозяйственной жизни, до известной степени показало, что влияние евреев простирается дальше внешних экономических форм, которые они развили. Биржевой оборот в том виде, в каком он сложился в течение последних столетий, является уже не одной только внешней организацией экономических процессов; особенности биржи нам станут понятны лишь тогда, когда мы верно оценим господствующий в ней дух. Новые формы промышленной организации были тоже продуктом особого «духа», и объяснить их можно именно как проявление такового. И потому я хотел бы обратить внимание читателя на тот факт, что наше народное хозяйство получило свой отпечаток от евреев не только в том смысле, что оно обязано им главнейшими особенностями своей внешней структуры, но что и внутренний распорядок современной экономической жизни, самые принципы ведения хозяйства, его, так сказать, истинный дух или, еще вернее, его идейное настроение можно большею частью свести к еврейскому влиянию.

Чтобы доказать верность этого положения, мы должны прибегнуть к несколько иным способам аргументации, чем употреблявшиеся до сих пор. «На основании документов» такого влияния, которое, по моему утверждению, имело здесь место, конечно, доказать невозможно или очень трудно. Точкой опоры для нашего анализа должно служить «настроение», господствовавшее в каждую данную эпоху в тех кругах, которые прежде и резче всех сталкивались с своеобразным духом еврейства, как с чем-то чуждым. А это есть именно не-еврейский торговый люд или же его идеологи. Мнения этих элементов, при всей их односторонности, а частью и крайней враждебности, служат все-таки самым надежным источником для ознакомления с интересующим нас вопросом, потому что они представляют собою совершенно новую реакцию на столь отличную от них еврейскую среду и отражают эту реакцию как бы в зеркале (правда, часто совершенно кривом зеркале). Конечно, желая использовать отзывы заинтересованных современников как источник познания экономической своеобразности евреев (современников, видевших, по весьма понятным причинам, в евреях своих злейших врагов), мы всегда должны читать у них между строк и стараться извлекать верный смысл из часто очень превратных суждений. А это значительно облегчается почти схематическим однообразием таких суждений, которые, по-видимому, объясняются не заимствованием, а однородностью или сходством причин, вызывавших эти суждения. Такое однообразие отзывов, естественно, очень усиливает их (правда, порою лишь косвенную) доказательную силу и убедительность.

Мы, прежде всего, сталкиваемся с тем фактом, что повсюду, где евреи выступают конкурентами, раздаются жалобы на их вредное влияние на положение христианских купцов. Существование последних, — говорится в разных петициях и докладных записках, — находится в опасности; евреи лишают их «заработка», причиняют им ущерб и отнимают у них «пропитание», так как покупатели переходят к евреям. <...>

Но одного указания на тот факт, что евреи являются «помехой для пропитания», еще недостаточно. Интересно знать причины, по которым они сумели так успешно конкурировать с христианскими купцами. Только когда мы обнаружим эти причины, станет понятна вся своеобразность еврейских коммерческих приемов, в которых, очевидно, и кроется секрет их успехов. <.,.>

Обращаясь снова к непосредственно заинтересованным современникам или людям, близко стоявшим к явлениям повседневной жизни, мы получаем, прежде всего, опять единодушный ответ: превосходство евреев вытекает из *нечистого ведения дел*.

Но если присмотреться в отдельности к коммерческим приемам, в которых упрекали евреев, то весьма скоро убеждаешься, что многие из них имеют очень мало общего с обманом, — даже если этому понятию придать широкое значение, например, преднамеренного нарушения или утайки правды, или желания ввести в заблуждение с целью причинения убытков. Обозначение «обман», по-видимому, служит лишь для того, чтобы в одном слове выразить тот факт, что евреи в ведении своих коммерческих дел не всегда считались с существующими правовыми и этическими нормами. Таким образом, характерным приемом деятельности еврейских торговцев являлось нарушение известных традиционных обычаев христианских торговцев или (в редких случаях) нарушение законов, главным же образом, — погрешности против «добрых нравов» купечества. Если же еще ближе присмотреться к делу и, прежде всего, проследить принципиальную сущность отдельных погрешностей, в которых упрекают евреев, то окажется, что в борьбе между еврейскими и христианскими торговцами все вертится около борьбы двух мировоззрений или, по меньшей мере, двух в принципе различных или противоположных экономических воззрений.

Чтобы понять это, мы должны вспомнить, каким духом была проникнута хозяйственная жизнь, в сферу которой, начиная с XVI столетия, опять стали все больше проникать евреи и к которой они, по-видимому, стали в такое резкое противоречие, что их рассматривали везде, как «помеху для пропитания».

В течение всего того времени, которое я называю раннекапиталистической эпохой, следовательно, в те столетия, когда еврейский дух прокладывал себе дорогу во все хозяйственные отношения, господствовали те же основные экономические воззрения, как и в средние века: феодально-ремесленные, находившие свое внешнее выражение в сословном строе общества.

Согласно этим воззрениям, — которые являются доминирующими, определяющими весь остальной образ мыслей и действий, — в центре экономических интересов стоит человек. Человек как производитель и потребитель благ своими интересами определяет отношения как отдельных лиц, так и всего общества; определяет внешний порядок экономического процесса точно так же, как и формы деловой практической жизни. Все мероприятия, — как всего общества, так и отдельных лиц, — имеющие своей целью урегулирование экономических явлений, носят личный,

индивидуальный характер. Основное настроение всех участвующих в экономическом процессе носит личную окраску. Конечно, этого не надо понимать в том смысле, что каждый хозяйственный субъект может распоряжаться в народно-хозяйственной жизни по своему усмотрению. Наоборот, индивидуум, как известно, связан определенными объективными нормами; но эти самые нормы — что особенно важно — проникнуты индивидуалистическим духом: жизненные блага производятся и обмениваются для того, чтобы потребители могли в достаточной степени удовлетворять свои потребности, а также для того, чтобы и производители, и торговцы могли вести беспечное существование в пределах традиционного жизненного обихода. Это можно было бы также выразить словами: экономический процесс рассматривался еще собственно с точки зрения натурального хозяйства, т.е. категория качественно определенных потребительных благ стояла еще в центре оценки жизненных отношений.

Производитель и торговец должны своей деятельностью снискать себе пропитание соответственно своему социальному положению. Эта идея «пропитания» еще насквозь пропитывает воззрения большинства хозяйствующих субъектов в раннекапиталистическую эпоху даже там, где их экономическая деятельность принимает уже капиталистические формы.

Беспредельное, безграничное стремление к наживе считалось еще в течение всего этого времени среди большинства хозяйственных субъектов непозволительным, «нехристианским», как и вообще над всеми умами господствовал еще, по крайней мере, официально, дух экономической философии Фомы Аквинского. «Если ты... один владеешь каким-нибудь товаром, то ты можешь искать честной прибыли; но только в той мере, чтобы это было по-христиански, и чтобы твоя совесть была чиста, и чтобы не было вреда душе твоей». Здесь, как и во всех превратностях экономической жизни, религиозная или этическая заповедь всегда оставалась высшим руководством; не было и речи о выделении хозяйственного мира из религиозно-этической сферы общественного союза. Каждое отдельное действие подлежит еще непосредственному ведению высшей этической инстанции: Божьей воле. И эта воля, — поскольку преобладает средневековый дух, — была решительно направлена против меркантильного понимания вещей, так что уже поэтому вся христианская экономическая жизнь старого стиля была этически уравновешена.

Производитель и торговец должны обеспечивать свое существование. Эта руководящая идея приводила, прежде всего, к отмежеванию определенного круга деятельности для всех торговых элементов данной страны или данной местности точно так же, как и для каждого отдельного хозяйственного субъекта. То, что здесь сказано относительно средних веков, имело силу для всех хозяйственно-правовых воззрений вплоть до начала XIX века, а именно, — что с определенным правом всегда связывалась определенная сфера распоряжения, что положение индивидуума определялось не указанием на общие права, а наделением его определенной сферой власти.

Поэтому общество (все чувствующавшее себя ответственным за отдельных индивидуумов) заботилось, прежде всего, о том, чтобы вся совокуп-

ность производителей и торговцев располагала достаточно широким приращением для продуктивной деятельности; это — основная мысль всякой меркантилистической политики, которая (и не только в данном отношении) являлась прямым продолжением хозяйственной системы средневековых городов. Сфера деятельности, необходимая для подданных страны, должна быть, в случае необходимости, завоевана и защищена силой. Вся торговая и колониальная политика меркантилизма исходит, как известно, из этой основной мысли. Расширение торговых отношений, а следовательно, и увеличение сферы сбыта является поэтому для туземного производителя исключительно проблемой военной, проблемой высшего развития власти. Где вообще имеет место конкуренция, — а это было за пределами страны, — там успех решается высшей военной, а не коммерческой пригодностью.

Внутри же страны всякая конкуренция между отдельными хозяйственными единицами принципиально исключалась. Отдельное лицо получает свое поле для деятельности; на нем оно может распоряжаться, как предписано существующими нравами и традициями. Но оно не должно заглядывать в область соседа, где последний, подобно ему, спокойно довершает круг своего существования. Так, крестьянин получал свой надел: столько земли, пастбища и леса, сколько ему было необходимо для его хозяйства и для содержания его семьи. Эта крестьянская имущественная и хозяйственная единица является исходной точкой всех позднейших воззрений, между прочим, и тех, которые определяли круг идей промышленности и торговли. Крестьянское «пропитание» представлялось всегда идеалом: промышленный производитель и торговец тоже должны иметь свою отгороженную область, в которой могли бы выполнять свое назначение. Что для крестьянина был его надел, то для городского жителя составлял круг его покупателей; эти покупатели его продуктов были таким же источником его существования, как земля для крестьянина. Круг покупателей должен был иметь определенную величину, чтобы предприятие могло в традиционном размере существовать на счет сбыта. Он должен был быть обеспечен каждому отдельному хозяйственному субъекту, чтобы доставлять ему возможность пропитания. К осуществлению этой цели клонится целый ряд мероприятий политико-экономического характера; эту же цель, прежде всего, преследует и коммерческая мораль. Право и мораль в течение всего этого времени, как и в средние века, одинаково стремятся к тому, чтобы оградить каждого отдельного производителя и торговца от вмешательства соседей в сферу его деятельности, т.е. в круг его покупателей. <...>

Совершенно последовательно осуждались также все отдельные приемы, имевшие целью увеличение круга покупателей.

Еще в течение первой половины XVIII века даже в Лондоне считалось непристойным, если купец особенно украшал свою лавку и стремился завлечь покупателей всякого рода привлекательными витринами. <...>

К недозволенным приемам в раннекапиталистическую эпоху, вплоть до XVIII века, принадлежало, насколько мне известно, и публичное объявление о торговле, особенно в форме выхваливания (что касается Голлан-

дии, о которой я недостаточно осведомлен, то здесь, по-видимому, уже в XVII веке привилась система объявлений).

Торговые объявления, вообще, входят в обыкновение в Голландии во второй половине, в Англии — к концу XVII века, а во Франции гораздо позже. <...>

«Ловля покупателей» осуждалась строжайшим образом; считалось «нехристианским», безнравственным отбивать покупателей... Но особенно предосудительной, по-видимому, считалась реклама еще долгое время после того, как торговые объявления уже вошли в употребление, — реклама в виде восхваления, указания на преимущества одного заведения перед другим. Самой же высокой степенью коммерческого неприличия считалось заявление о назначении более низких цен, чем у конкурента. <...>

Публичное же оповещение о такой недобросовестной конкуренции считалось прямо грязным приемом... Здесь чувствуется старый идеал «пропитания»! Обычные жизненные формы твердо определены; размер сбыта твердо установлен; следовательно, цены, по которым продаются отдельные товары, не должны падать ниже определенного минимума. <...>

Но, заботясь о производителе и торговце, общество не забывало и потребителя. В известном смысле последний являлся даже главной фигурой, так как еще не исчезло наивное представление о том, что производство и обмен благ, в конечном счете, существует для потребления, для его надлежащей организации.

Натуральная точка зрения еще господствовала и здесь; создание потребительных благ все еще является целью всякой экономической деятельности, и чисто товарное производство еще не сделалось ее содержанием. Отсюда, прежде всего, получилось стремление, так ясно выступающее в течение всей раннекапиталистической эпохи, производить хороший товар — товар, являющийся в действительности тем, чем он кажется, следовательно, настоящий товар. Этим стремлением характеризуются все бесчисленные регламентации товарного производства, заполнившие XVII и XVIII века в небывалых раньше размерах.

Теперь государство взяло контроль в свои руки и стало подвергать товары в официальных местах правительственному осмотру. <...>

С этими понятиями органически связывается идея о *справедливой цене*, по-видимому, на долгое время сохранившая свое значение и для раннекапиталистической эпохи. Цена не есть нечто такое, чем каждый хозяйственный субъект может распоряжаться по своему усмотрению. Определение цен также подлежит высшим религиозным и этическим законам, как всякий другой экономический процесс. Они должны регулироваться таким образом, чтобы служить на благо как производителя, так и торговца и потребителя. Как это устроить — этот вопрос решается не благоусмотрением отдельного лица, а объективными нормами. Откуда заимствовать такие нормы — это проблема, которая в различные столетия решалась различным образом. Средневековому мировоззрению, ярким представителем которого является, например, Лютер, всего более соответствовало, чтобы цена определялась трудом и расходами, затрачиваемыми производителем (торговцем). Применяя современную терминологию

логию, можно было бы сказать: цена определялась издержками производства. Под влиянием же все более развивающихся торговых отношений, которые стали сказываться особенно заметно с XVI века, совершается перемена в воззрениях на справедливую цену; все решительнее признается влияние на ее образование условий рынка. <...>

Общее настроение, получавшееся от соблюдения всех этих отдельных принципов, было своего рода безмятежное существование, длившееся чуть ли не в течение всей раннекапиталистической эпохи. Основной чертой этого быта была известная устойчивость, традиционность отношений. Отдельный человек, даже если он занимался делами, не терялся еще в шуме и сутолоке этих дел. Он был еще господином самого себя. Он еще сохранял достоинство самостоятельного человека, не унижающего себя ради наживы. Везде в торговых отношениях господствует еще личная гордость. Всякий купец имеет еще, так сказать, собственную позицию — в провинции, конечно, больше, чем в других городах как центрах развивающейся капиталистической жизни... Нам рисуется купец старого стиля в виде человека, который выступает с несколько угловатым, но важным видом, в брюках по колено, в длинном кафтане и парике; он привык исполнять свои дела без размышлений и особого рвения; обслуживает привычный круг покупателей в привычной форме, не спеша, не горячась.

То, что в настоящее время считается лучшим признаком цветущей деловой жизни, — непрерывная всеобщая сутолока и возбуждение, — еще в конце XVIII века считалось признаком праздности; погруженный в дела человек мог двигаться только тихим размеренным шагом. <...>

К этой картине прекрасно подходит также набожный Non-conformist, квакер, методист, которого мы обыкновенно принимаем за одного из самых ранних носителей капиталистической идеи. А он важно, с чувством собственного достоинства, идет своей дорогой. Как внутренняя жизнь, так и внешнее поведение должны были быть строго размерены. «Гулять со спокойствием, не болтать ногами», — гласит одна заповедь пуританской этики. <...>

И против этого крепко сколоченного мира евреи пошли атакой. Мы видим, как они на каждом шагу грешат против этого экономического порядка и этого хозяйственного строя мыслей. Ибо жалобы христианских торгово-промышленников, служащие для нас самым важным источником, покоятся на конкретных фактах; это явствует, как мы уже раньше видели, не только из сходства всех показаний, но и из аналогичного содержания этих жалоб.

Но разве одни евреи грешили против правовых и этических норм? Было ли справедливо делать принципиальные различия между «еврейской коммерцией» и всякой другой торговлей, характеризуя первую как «несолидную», как более склонную ко лжи, обману, нарушениям закона и порядка, вторую же — как чуждую всяких несправедливых вождений? Не подлежит никакому сомнению, что деловые приемы христианских производителей и торговцев также не были совершенно свободны от погрешностей против предписаний закона и добрых нравов. Такая тен-

денция имеется в самой природе человека, а при некотором знакомстве с явлениями той эпохи, о которой идет речь, нельзя утверждать, чтобы она в среднем воспитывала более добросовестных и верных своему долгу людей, чем всякая другая. Уже одна подавляющая масса предписаний и запрещений, которая регламентировала экономическую жизнь того времени, позволяет заключить, что склонность к нарушениям всякого рода была довольно распространена среди коммерсантов того времени. Но у нас есть еще много других фактов, из которых можно заключить, что коммерческая мораль не стояла на особенной высоте.

В чем же в таком случае заключалось специфически еврейское? И можно ли вообще признать специфически еврейским то или иное отношение к существующему порядку? Я думаю — да; я думаю, что это специфически еврейское «отступление от закона» сказывается, прежде всего, в том, что в таких отступлениях дело идет не об отдельных безнравственных поступках отдельного грешника, а что тут проявляется общая всем евреям коммерческая мораль, — следовательно, та деловая практика, которая находит признание у всей совокупности еврейского коммерческого мира. Из общего и постоянного применения определенных приемов мы должны заключить, что евреи совсем не считали безнравственным и, следовательно, недозволенным этот противный существующему порядку образ действий, а, напротив, были проникнуты сознанием, что они противопоставляют настоящую мораль, «настоящее право» бессмысленному правовому и этическому порядку. Конечно, это не относится к тем случаям, когда речь идет о крупных прегрешениях против частной собственности. Само собой разумеется, что необходимо различать требования и запрещения, вытекающие, например, из института частной собственности как такового (это относится в равной мере ко всем областям права) и требования и запрещения, вытекающие из определенных форм и способов осуществления права собственности. Нарушения против первых будут до тех пор считаться противозаконными и наказуемыми, покуда вообще будет существовать институт частной собственности; нарушения же против последних будут рассматриваться различно, сообразно с изменяющимися на протяжении времени воззрениями на способы распоряжения собственностью (запрещение ростовщичества, привилегирование и др.).

В своеобразных деловых приемах евреев перемешались нарушения обоих порядков. В прежние времена евреи, несомненно, грешили и такими нарушениями, которые считались недозволенными и в более серьезном, общем смысле, — когда они, например, (в чем их неоднократно обвиняли) попадались на утайке и торговле заведомо краденым товаром. Но применение таких чисто преступных приемов и среди евреев отнюдь не пользовалось общим одобрением. Здесь «приличные» элементы, несомненно, также различались в своих воззрениях от бессовестных, как и в христианском мире. К тому же склонность к подобного рода приемам была присуща лишь определенным группам еврейского народа, которые находились под подозрением, и взгляды которых на правду и неправду также отличались от этики остального еврейства, как и от этики христиан. <...>

Нарушения евреями правовых и этических норм, — в чем их упрекали в течение всей раннекапиталистической эпохи, — несомненно, происходили. И если рассматривать их как проявление коммерческой этики, одобряемой всем еврейством, и, следовательно, как специфически еврейскую деловую практику, то необходимо исключить такие крупные нарушения уголовных законов, к которым большая часть евреев относилась с порицанием (или, во всяком случае, дать им отдельную оценку). Необходимо ограничиться перечислением тех нарушений закона и, главным образом, господствовавших нравов, относительно которых можно предположить известный *consensus omnium* в еврейском коммерческом мире и, исходя из которых, мы можем заключить о наличии особенной еврейской экономической этики.

И что же мы видим?

Перед нашими глазами отчетливо вырисовывается еврей, прежде всего, как делец чистой воды, который, сообразно духу чисто капиталистического хозяйства, всем прочим вполне натуральным целям противопоставляет приоритет целей наживы. В эпоху еще недоразвившегося капиталистического хозяйства он является своего рода представителем экономической этики, направленной исключительно на денежную прибыль. От христианина его отличало не то, что он «брал с лихвой», что он стремился к наживе, что он копил состояние, а то, что он делал все это не тайно, а совершенно открыто и совершенно открыто же признавался в этом. <...>

Но можно, пожалуй, возразить: ведь и в не-еврейских кругах денежные интересы не менее живучи — в этом только не признаются, лицемерят. Это замечание отчасти справедливо. Специфически еврейской чертой я считал бы эту наивность, категоричность, откровенность, с какими ставятся денежные расчеты в центре всех жизненных интересов.

И в этом именно смысле отзываются о евреях современники XVII и XVIII веков. Такой *consensus omnium*, несомненно, служит лишь новым доказательством правильности высказанного выше положения. В эпоху неполно развившегося капиталистического строя еврей является представителем хозяйственного воззрения, направленного исключительно на денежную наживу. Не то отличает его от христианина, что он «занимается ростовщичеством», что он стремится к наживе, что он накапливает богатства, а то, что всего этого не скрывает, делает открыто и открыто признается в этом. Свои деловые интересы он преследует беспощадно и ни на что не обращая внимания. <...>

Из этого стремления к наживе, не умеряемого никакими этическими нормами, уже сами собой вытекают те деловые приемы и принципы, которые ставились в упрек евреям, как, например, их особенность, или, как говорили представители старого сословного хозяйственного порядка, их дурная привычка не считаться с пределами, наложенными законом или постановлениями для различных отраслей промышленности или торговли. Вечно повторяющаяся жалоба христианских производителей и торговцев во всех местностях, где евреи промышляли рядом с ними, заключалась в том, что евреи не довольствуются одним занятием, а постоянно

вторгаются в другие области и тем нарушают цеховой порядок; они-де охотно прибрали бы к своим рукам всю торговлю и все производство; у них господствует невыносимая тенденция к захвату возможно более широких областей хозяйственной деятельности.

Склонность к универсальности торговых операций евреи усвоили уже с ранних пор, так как в их лавках скоплялись для продажи всевозможные заложенные и невыкупленные предметы, просроченные залоги (наряду с награбленным добром), собранные чисто случайно, без всякой связи, но задевавшие коммерческую сферу разных других торговцев. Эти «толкучки» — прототип современных базаров — совершенно не считались с цеховыми перегородками и уже одним своим существованием представляли постоянное нарушение установленного порядка в торговле и промышленности. <...>

И не связан ли с этим неуважением ко всякому сословному делению, а следовательно, с этим проведением чисто коммерческих целей, наперекор всем традиционным перегородкам, и тот факт, что евреи являются революционерами также по отношению к меркантилистическому государству; что они и здесь стремятся провести принципы свободной торговли, невзирая на политико-экономические идеи, лежащие в основе меркантилистической торговой политики? Так, например, французская торговля в XVIII веке называлась «еврейской коммерцией», потому что это была преимущественно торговля привозными товарами, «занимавшая полезным трудом очень немного немецких рабочих рук и большею частью основанная на внутреннем потреблении». Когда в начале XIX столетия Германия была наводнена дешевыми английскими товарами, которые сбывались преимущественно на аукционах, то инициаторами их ввоза считали евреев: «эти мерзкие аукционы почти исключительно дело рук евреев, которые сумели захватить так много в немецких торговых городах».

И, наоборот, сырье они отправляли предпочтительно за границу, что тоже являлось прегрешением против святого духа меркантилизма.

Если евреи, преследуя свои коммерческие интересы, не взирали ни на преграды, воздвигнутые различными странами, ни на законные перегородки, разделявшие отдельные промыслы, то они еще в гораздо меньшей мере считались с нравами и обычаями, а также и с формальными запрещениями, установленными для торгового и купеческого сословия. Мы видели, что высшим принципом ремесленной, а отчасти и раннекапиталистической хозяйственной организации было не отбивать покупателей у соседа. И все-таки евреи постоянно грешат именно против этого принципа... Один хорошо осведомленный автор начала XIX века описывает, как еврей всегда выведывает новых покупателей. Он называет *еврейской* привычкой «связанное с агентурной системой непрерывное и навязчивое посещение всех общественных учреждений, чтобы *проникнуть к всякому покупателю*, чтобы с помощью дешевых и распространенных газет узнавать о приезжающих и, подслушивая каждый разговор, разведать, например, каким заведениям угрожает несчастье, и, сообразуясь с этим, заключать с ними купчую или сделку об аренде и т.д.».

Если уловление покупателей достигалось здесь утонченной системой разведок, то в улицах, где еврейские торговцы старым товаром имели свои лавки, такое уловление совершалось наивно-примитивным путем непосредственного телесного принуждения. Это тот же способ, который мы можем еще теперь наблюдать в наших больших городах, где процветает система, известная в Бреславле под именем «Ärmelausreissgeschäfte», т.е. торговые заведения, владельцы коих, гоняясь за покупателями, чуть не отрывают рукава у проходящих. <...>

Один путешественник, который... странствовал по западной Германии, сообщает оттуда: «Ходить по улицам города, где находится много евреев, сущее наказание; на каждом шагу они то и дело докучают своей торговлей. Вечно слышишь вопрос: не угодно ли чего? Не купите ли того или другого?» <...>

«Идти навстречу покупателю» — таков лозунг. Мы знаем, как этот принцип господствует теперь в крупной промышленности и что гениальная организация «Всеобщей Компании Электричества» построена только на нем.

Известно, что погоня за покупателем развилась в систему лишь в форме рекламы «Assomante invitation», которая, как мы только что видели, исходит от скромных *fripier*, в настоящее время составляет задачу многообразной рекламы. Признав евреев отцами системы «уловления покупателей», мы должны бы, оставаясь последовательными, признать в них и отцов современной рекламы. Но я не имею возможности привести достаточные доказательства в пользу этой связи. Чтобы составить себе на этот счет сколько-нибудь определенное мнение, необходимо было бы, прежде всего, просмотреть имена объявителей в старых газетах. Насколько мне известно, мы вообще еще не располагаем серьезными исследованиями по истории рекламы. <...>

...Евреи — отцы современной газетной прессы, т.е. главного органа рекламы; они, в частности, являются основателями дешевых газетных листков. Полидор Мило... основал «Petit Journal», ставший, как известно, благодаря своей дешевизне, прототипом всех позднейших газет.

Но узнавать адреса, приставать к приезжающим, выхвалить свой товар — все это только одна сторона в погоне за покупателем. Все эти ухищрения можно было бы подвести под категорию внешнего уловления покупателей, противопоставив им, как внутреннее уловление, все махинации, имеющие своей целью предложение товара в такой форме, чтобы привлечь покупателя. Эту политику коммерсанта, направленную на удовлетворение и привлечение покупателей, я назвал как-то словом *Kulanz*, обходительностью (услужливостью). И опять-таки приходится констатировать, что в развитии этой стороны нашей экономической жизни евреи принимали самое выдающееся участие. Можно было бы даже «на основании источников» со всей желательной обстоятельностью доказать, что они первые, наперекор господствующим воззрениям, решительно выставили принцип, что каждый коммерсант имеет право (и обязанность) придать своему предложению такую форму, чтобы привлечь к себе возможно большую часть налич-

ных покупателей, или же, создавая новые потребности, увеличить возможность сбыта.

При экономической организации, дорожащей солидными формами хозяйственной деятельности, единственным средством для достижения указанной цели могло быть лишь понижение цен. И мы видим, что евреи с особенной любовью прибегают к этому средству. Это именно и сделало их в высокой степени ненавистными в кругу христианских торговцев, которые, согласно всему складу своих хозяйственных воззрений, должны были держаться определенного уровня цен. Еврей продает за бесценок, еврей портит цены, еврей привлекает покупателей своими низкими ценами. Вот песня, какую постоянно поют на все лады в XVII и XVIII веках христианские конкуренты евреев. <...>

Что же касается объяснений этого явления, то их относительная вероятность может быть выяснена лишь путем точного критического анализа. При этом следует помнить, что причины низких цен еврейских товаров интересуют нас пока лишь постольку, поскольку мы можем вывести из них заключение о наличии принципиально своеобразной деловой практики или о принципиально своеобразной коммерческой этике.

Чаще всего это явление сводится к «заведомой» недобросовестности евреев, причем такое объяснение аргументируется следующим образом: так как евреи имеют равные со всеми расходы, так как издержки производства товаров у них те же, то, значит, дело не совсем чисто, если они все-таки назначают более низкую цену. По-видимому, евреи приобретают незаконным путем. Это — или краденый товар, или же награбленное добро. Такое объяснение казалось тем более вероятным, что, как мы знаем, евреи пользовались очень дурной репутацией, хотя в то же время сбиванием евреями цен часто пользовались, как подтверждением верности указанного подозрения в приобретении товаров нечестными способами. <...>

Даже в кругу самых завзятых и ожесточенных сторонников цеховых порядков считали нужным задуматься над изысканием других причин, для объяснения низких еврейских цен. Мы находим их, прежде всего, в непосредственной близости к указанной первой группе причин, — правда, не в заведомо незаконных, преступных действиях, но все же в таких приемах, которые нельзя назвать вполне чистоплотными. Сюда принадлежат, например, торговля запрещенными товарами (как военная контрабанда и др.), торговля заложенными товарами, торговля конфискованными товарами (таможенная контрабанда), торговля товарами, приобретенными у купцов, «завязших в долгах и вынужденных продавать свои товары за бесценок», или товарами, «приобретенными за ничтожную цену у продавцов, нуждавшихся до зарезу в деньгах»; торговля старьем, залежалым товаром, дешево приобретенным на судебных распродажах и публичных торгах; торговля товарами, за бесценок сбываемыми обанкротившимися купцами... торговля со скрытым намерением самому обанкротиться; торговля товарами, фабрикованными несогласно с регламентом... Трудно установить, насколько в этих или подобных приемах... дело шло о единичных, слишком опрометчиво обобщенных, случаях или

же о широко распространенных привычках еврейских купцов. Нельзя допустить, чтобы подобного рода обвинения были совершенно неосновательны; важно, во всяком случае, что евреев считали способными к применению таких приемов, что в этой практике видели нечто присущее евреям. <...>

И вот мы опять особенно часто наталкиваемся на следующее утверждение: товары, которые производятся или продаются евреями, суть *низшего качества*. Это обвинение (бывшее, несомненно, утверждением в духе господствовавшей тогда экономической этики) попадает так часто и при столь различных обстоятельствах, что мы не можем сомневаться в его относительной основательности. <...>

Купеческий словарь, которым я неоднократно пользовался как достоверным источником, также высказывает мнение, что евреи торгуют негодными товарами, «которые они умеют так прикрасить и придать им такой привлекательный вид с помощью красивого переплета, новой отделки, нового запаха и вкуса, что порою и лучшие знатоки делаются жертвой обмана».

<...> Жалобы христианских фабрикантов на то, что евреи понижают цены, находят свое естественное дополнение в новых обвинениях, а именно: стремясь во что бы то ни стало к дешевизне, евреи понижают и самое качество товаров.

Мы не будем очень далеки от истины, если сведем все эти наблюдения к положению, что евреи являются также творцами суррогатов в самом широком смысле слова.

Что такое суррогат? Зачастую это особого рода новый товар, худший, но вовсе не в том смысле, что худшего качества, чем тот же товар раньше, но потому, что он изготовлен для того же назначения, но из более дешевого материала или другим, более дешевым, способом, т.е. суррогат в узком, техническом смысле слова. И творцами такого именно суррогата являются в главных случаях евреи. Особенно часто встречаются суррогаты в текстильной промышленности и в других отраслях промышленности, например, химические суррогаты. Сюда относится в известном смысле и красочная промышленность.

Наконец, в связи со всем этим следует еще упомянуть следующее нередко встречающееся обвинение: евреи еще потому имеют возможность продавать значительно дешевле христиан, что они прибегают к обмериванию и обвешиванию. <...>

Я привел здесь все эти отдельные факты только для того, чтобы осветить единственно интересующий нас вопрос, можно ли и в какой мере должно свести все те различные приемы, с помощью которых евреи пытались понижать цены, к общим деловым принципам, и можно ли эти принципы привести в связь с искомой своеобразностью хозяйственного мировоззрения евреев? Мне кажется, что вывод из всех этих различных приемов можно было бы резюмировать как известный индифферентизм по отношению к средствам, применяемым для достижения конечной коммерческой цели. Уважение к личным заслугам другого, уважение перед социальным и правовым порядком, наконец, приспособление к чисто

натуральным отношениям при производстве благ — все это утрачивает былое значение, а на передний план выступают мотивы, исключительно приуроченные к отношениям меновой стоимости, чисто крематические представления о задачах коммерсанта. Мы сталкиваемся здесь с первыми начатками присущей капитализму тенденции к *беспощадной* наживе, но еще в стадии ее индивидуально-случайной фиксации.

Но в приведенном до сих пор перечне средств, применявшихся евреями с целью снижения товарных цен, мы отнюдь не исчерпали еще всех фактически ими использованных способов. Необходимо напомнить о целом ряде приемов, имеющих также принципиальное значение, но лежащих в совершенно другой плоскости, чем вышеупомянутые. Их отличительной особенностью является то обстоятельство, что они, действительно, способны привести к *фактическому* удешевлению, в то время как те приемы, о которых до сих пор шла речь, могли вызвать только кажущееся удешевление или же удешевление для покупателя в ущерб другим лицам.

Иначе обстоит дело с методами удешевления, на которые я хочу указать теперь. Общая им всем характерная черта заключается в том, что они содействуют уменьшению расходов по производству товара. А именно: или посредством сокращения собственных требований производителя или торговца (уменьшение субъективных издержек), или посредством сокращения расходов, покрываемых производителем или торговцем. Последний может добиться этой цели двояким образом: посредством более низкой заработной платы, уплачиваемой участвующим в производственном процессе лицам (рабочим), или посредством применения более продуктивных, а следовательно, и более дешевых методов производства или сбыта.

У нас есть многочисленные доказательства в пользу того, что евреи применяли все эти методы снижения товарных цен — и главное, что они стали применять их впервые.

Еврей может поставлять более дешевый товар, потому что он менее требователен, чем христианские купцы и ремесленники; это мнение часто высказывается непредубежденными наблюдателями, а при случае и ближе заинтересованные лица должны согласиться с этим мнением.

...Они нашли уловку, говорят другие (и это, по-видимому, были ясновидцы), посредством которой им удастся достигнуть такой же (или большей) прибыли, как и их христианским конкурентам, несмотря на меньшую надбавку на цены: *они ускоряют сбыт*. Тот принцип, что усиленный сбыт при меньшем барыше значительно выгоднее редкого сбыта при крупном барыше, считается еще в начале XIX века *еврейским* принципом, которому противная партия не может и не должна следовать. <...>

Евреи первые выдвинули лозунг «малая прибыль, большой оборот!» — тот лозунг, который претит всему строю хозяйственных воззрений, основанных на принципе пропитания.

Прибыль, барыш (подобно цене), извлеченные из сумерек традиции и превращенные в объект эгоистическо-целесообразной системы, — вот то великое и поразительное новшество, которое, опять-таки, пришло от

евреев. Определение размеров прибыли по собственному усмотрению, совершенно произвольное решение вопроса о том, работать ли с прибылью или без нее для того, чтобы впоследствии заработать еще больше, — все это носило несомненную печать еврейского духа. <...>

Наконец, следует упомянуть еще об одной часто замеченной у евреев особенности: по возможности мало тратить на производство — посредством ли применения самой дешевой рабочей силы или же посредством применения более совершенных методов производства. <...>

Для нашей основной мысли интересно, пожалуй, указать еще на тот факт, что евреи сознательно, из рациональных соображений, первые прибегали к новым формам производства, как и к новым формам торговли.

Нам остается отметить еще одну еврейскую особенность в ведении коммерческих дел, о которой мы, правда, не находим никаких упоминаний в документах раннекапиталистической эпохи (может быть, потому, что эта особенность резко обнаружилась лишь в более позднее время), но которая носит тот же духовный отпечаток, что и все до сих пор рассмотренные черты еврейской торговли. Я имею в виду сознательное придумывание все новых и новых ловких приемов, с помощью которых можно было вербовать покупателей, — безразлично, касалось ли это новой группировки товаров, новых форм платежа, новых комбинаций разных отраслей торговли, новых форм предложения услуг, словом, какого-нибудь нововведения в коммерческой жизни для привлечения покупателей. <...>

Я хочу указать лишь на несколько таких коммерческих «изобретений», еврейское происхождение которых для нас теперь уже не подлежит сомнению. (Я уверен, что их можно было бы легко умножить, оставляя совершенно в стороне вопрос о том, родилась ли в головах евреев *самая* творческая идея или только ее коммерческое применение.) Уже упомянутые различные методы дешевой купли и перепродажи старых или залежалых товаров были, конечно, первоначально тоже «остроумной идеей», на которую кто-нибудь должен был набрести. Сюда же принадлежит и торговля остатками и подобным товаром, равным образом часто перевозносимая особенность евреев «нередко кормиться и наживаться на счет самых негодных отбросов» и связанное с ней их умение превращать в очень ценный предмет торговли «самый простой предмет, который до того не имел никакой цены, как-то: тряпки, заячьи меха и т.п.»! Пожалуй, их можно было бы назвать родоначальниками промышленности по переработке отбросов.

Насколько идея крупного базара еврейского происхождения, еще нуждается в выяснении «на основании источников». Во всяком случае, мы видели уже, что евреи, как заимодавцы под залог, были первыми, в чьих лавках накопились предметы самого разнообразного свойства. А в этом резком противопоставлении предметов, относящихся к разнообразнейшим отраслям торговли и служащих самым разнообразным потребностям, надо думать, заключается один из характерных признаков современного крупного базара. Полнейшая индифферентность торговца по отношению к объекту его деятельности, которая благодаря этому приоб-

ретают исключительно коммерческий характер, составляет характерную особенность владельца базара, и особенность эта (как уже вытекает из своеобразного отношения евреев к промышленности) присуща евреям.

Важным новшеством в организации розничной торговли было в свое время введение частичной уплаты при покупке на большую сумму или при покупке дорогих предметов. По крайней мере, относительно Германии можно с уверенностью сказать, что здесь родоначальниками «торговых заведений в рассрочку» были евреи. В одном сочинении начала XIX столетия мы читаем: «Среди евреев существует категория лавочников, необходимых бедному люду и очень полезных для самой торговли. Это — люди, продающие бедному люду платье или материю на платье, за которые получают плату малыми частями».

Целый ряд нововведений в развитии гостиниц и трактиров своим происхождением также обязан евреям. Первая кофейня в Англии (вероятно, вообще первая) была открыта евреем по имени Якобс в 1650 или 1651 г. в Оксфорде. (В Лондоне первая кофейня открывается лишь в 1652 г.). Совершенно новая эра ресторанного дела была открыта евреем Кемпинским; важнейшим новым принципом в этой области является установление определенного размера потребления и цен.

Чрезвычайно важный институт профессионального кредитного посредничества также ведет свое начало от евреев. (Относительно Германии это доподлинно известно.)

Но во всех этих новых формациях экономической жизни нас интересует здесь не выраженное в них специфическое дарование (о котором я говорил уже раньше и о котором еще буду говорить в другой связи), а исключительно выступающая в них своеобразная хозяйственная тенденция: стремление к новым ухищрениям. Я коснулся этого вопроса в настоящей главе потому, что она трактует о еврейском духе, о еврейской коммерческой морали, о специфически еврейском укладе хозяйственных воззрений. Мы теперь у конца этого отдела и можем оглянуться на пройденный нами путь. Мы, прежде всего, видели резкое противоречие, в котором стояли друг к другу в течение всей раннекапиталистической эпохи еврейский и не-еврейский строй хозяйственных воззрений. Основную идею господствовавших тогда хозяйственных воззрений я пытался резюмировать в том смысле, что традиционализм, принцип пропитания, идея сословной дифференциации и принцип устойчивости служили их важнейшими составными элементами. Но что же является принципиально новым в специфически еврейском способе мышления? Мы можем резюмировать это в немногих, но знаменательных словах: это есть *«современный» дух*, господствующий в наше время над всеми хозяйственными субъектами. Просматривая весь перечень грехов, в которых укоряют евреев в продолжение XVII и XVIII веков, мы вскоре убеждаемся, что этот перечень, исключая не идущие в счет чисто преступные манипуляции, не содержит в себе ничего, что не входило бы в обиход современного коммерсанта как нечто само собой разумеющееся, что не служило бы хлебом насущным для каждого современного коммерческого предприятия. Еврей во все эти столетия является, наперекор господствующим взгля-

дам, принципиальным сторонником индивидуалистических экономических воззрений, находящих свое выражение в следующих нормах: сфера деятельности каждого хозяйственного субъекта ни в каком направлении не ограничена никакими объективными положениями, касается ли дело величины сбыта или разграничения профессий; каждый хозяйственный субъект во всякое время должен заново завоевать свою позицию и во всякую данную минуту защищать ее от посягательств со стороны; он также в праве отвоевать для себя за счет других столько экономического простора, сколько может; средства борьбы должны быть преимущественно духовного свойства, как хитрость, изворотливость, лукавство; в экономической борьбе надо считаться лишь с пределами, намеченными уголовным уложением; все экономические процессы надлежит регулировать лишь по личному усмотрению в интересах возможно большей целесообразности. В этих нормах, как видно, победоносно проложили себе путь идеи «свободной торговли», «свободной конкуренции», экономический рационализм, чистый капиталистический дух, словом, все то, что составляет современный уклад хозяйственных воззрений, в развитии которых евреи сыграли крупную, если не решающую роль. Ибо они именно внесли эти воззрения извне в совершенно отличный от них круг идей.

Я не сказал в моей книге, — и потому должен отметить это здесь, — что в последнее время влияние евреев начинает, по всем видимостям, ослабевать. То обстоятельство, что число евреев, занимающих видные посты, например, директоров или членов наблюдательных советов в больших банках, сокращается, не подлежит никакому сомнению и может быть подтверждено простым подсчетом. Но и помимо этого внешнего явления происходит, по-видимому, оттеснение еврейского элемента на второй план. Интересно выяснить причины этого крупного явления. Они могут быть самые различные. С одной стороны, они могут корениться в изменившихся личных способностях хозяйственных субъектов, в том, что не-евреи сумели лучше приспособиться к требованиям капиталистического строя, они «научились»; евреи же вследствие происшедших в их внешнем положении изменений (улучшение гражданского положения, упадок религиозного чувства) по внешним или внутренним причинам утратили часть их прежней способности к капитализму; с другой стороны, причину уменьшения еврейского влияния на нашу хозяйственную жизнь надо, по всей вероятности, искать в изменившейся материальной обстановке экономической деятельности: капиталистические предприятия все более и более превращаются в бюрократические учреждения, которые уже не нуждаются в такой мере в людях со специфическими коммерческими талантами, — бюрократизм приходит на смену коммерциализму...